

Ф. ф. явилось ясное осознание того факта, что формальность вообще и, в частности, формальность Ф. ф. не является абсолютной. Она принципиально относительна. С философской т. зр., неверно абсолютное разделение научных дисциплин на формальные и содержательные. Строго говоря, чисто (абсолютно) формальных и чисто (абсолютно) содержательных наук нет; даже математику и формальную логику нельзя считать абсолютно формальными науками. Они есть единство формального и содержательного. В одном конкретном отношении они формальны, а в другом — содержательны. Если конкретное отношение не определено, то вопрос «Формальной или содержательной является данная научная дисциплина?» представляет собой бессмысленный набор слов. Существует конкретное отношение (1), в котором деление на формальное и содержательное совпадает с делением на синтаксическое и семантическое. Существует конкретное отношение (2), в котором деление на формальное и содержательное совпадает с делением на нормативное и оценочное. Есть и такое конкретное отношение (3), в котором разграничение формального и содержательного совпадает с разграничением четкого и нечеткого (расплывчатого). Кроме того, в некоторых специфических ситуациях, т. е. «системах отсчета» (4), различие формального и содержательного совпадает с различием двузначного («черно-белого») и «более-чем-двузначного» (трехзначного, четырехзначного, ..., п-значного и вообще многозначного), т. е. «серого с множеством оттенков». В некоторых конкретных условиях (5) деление на формальное и содержательное может совпадать с делением на конструктивное и неконструктивное. Возможно, в принципе, существование и каких-то других конкретных отношений, в которых разграничение формального и содержательного не совпадает ни с каким из перечисленных выше пяти случаев, а осуществляется каким-то другим специфическим способом. В каком из пяти вышеупомянутых конкретных отношений Ф. ф. является

формальной, а в каком — содержательной? Вопрос этот остается открытым (по причине своей бессмысленности) до тех пор, пока не будет зафиксировано конкретное отношение. В зависимости от определения системы отсчета, Ф. ф. может оказаться или формальной или содержательной. Но почему же тогда она называется формальной? В каком смысле? По определению, в словосочетании «формальная философия» слово «формальная» имеет значение «абстрагирующаяся от содержания». Это значение не совпадает полностью ни с одним из перечисленных выше пяти смыслов. В свете сказанного здесь, очевидно, что термин «формальная философия» в какой-то степени условен (как и термин «формальная логика»), т. к. разделение на форму и содержание является относительным. Однако если конкретное отношение зафиксировано и, следовательно, разделение на форму и содержание определено, то словосочетание «формальная философия» представляется вполне осмысленным, а обозначаемое им понятие — ценным, с т. зр. потребности в обобщающем синтезе глубоко дифференцированного философского знания.

В. О. Лобовиков

ФОРМАЛЬНАЯ ЭТИКА — раздел (аспект) этики, в котором исследуются морально-правовые (или просто моральные) **формы** поведения (абстрагированные от его нравственно-правового содержания) с целью нахождения **формальных** критериев **правильности** поведения. (Термин «право» используется в данной статье в значении «естественное право», которое, в отличие от «позитивного права», не проводит принципиального различия между правом и моралью, т. е. рассматривает мораль и право как единую систему.) Ф. э. — важный раздел этики, т. к. **формально-этическая правильность** поведения является **необходимым**, хотя и недостаточным, условием успеха в избегании зла и в стремлении к добру. При этом вопрос «Что есть добро и что есть зло? (Что такое хорошо и что такое плохо?)» Ф. э. не решает и даже не претенду-

ет на его постановку. Вопрос этот относится к компетенции **содержательной этики**. Некоторое конкретное решение этого вопроса содержательной этикой, а также фактически существующая способность людей с практически достаточной степенью точности отличать в содержании поведения добро от зла, есть необходимое условие (предпосылка) возникновения, успешного использования и развития Ф. э. Специфической особенностью Ф. э. (в отличие от этики содержательной) является возможность и целесообразность использования в ней тех или иных подходящих математических (в особенности алгебраических) моделей. Так, например, в рамках Ф. э. была предложена и всесторонне исследована **морально-правовая** (нелогическая) интерпретация математического аппарата логики предикатов первого порядка. (См. Сборник статей «Логика, познание, отражение». Свердловск: Уральский ун-т, 1984, с. 33-58.)

Не следует отождествлять Ф. э. поведения (как раздел **этики**) с **формальной модальной логикой** оценочных и нормативных морально-правовых суждений и рассуждений о поведении (как разделом **логики**). Ф. э. вполне может быть логически неформализованной (и в этом конкретном смысле содержательной) дисциплиной, в своих собственных целях осуществляющей **непосредственное** математическое моделирование **морально-правовой** структуры поведения. В Ф. э. как новом научном направлении исследования оценок, норм, предпочтений и действий, существенно отличающемся от формальной логики деонтических и аксиологических модальностей, новизна подхода заключается в том, что предметом содержательного рассмотрения и математического моделирования является не **логическая форма** оценок и норм как **суждений** (мыслей), а **этическая форма** оценок и норм как **поступков**. Исследовательская активность при этом заметно перемещается с анализа **логической структуры мысли** о морально-правовых действиях на непосредственный анализ **морально-правовой структуры** самих дей-

ствий. Формально-этический подход отнюдь не отрицает формально-логический, а наоборот, будучи качественно иным, находится с ним в **отношении дополнительности**. (См. монографию «Модальная логика оценок и норм с точки зрения содержательной этики и права». Красноярск: Изд-во Красноярского ун-та, 1984.)

В качестве конкретного примера не-которой **формально-этической системы** можно рассмотреть **алгебру поступков**. Эта алгебра служит моделью **двухзначной (ригористической)** Ф. э. Моральный ригоризм **четко** разделяет **все** в человеческой деятельности на «черное» и «белое». Объектом моральных оценок служат действия людей. За основу алгебраической теории ригористических моральных оценок берется множество поступков. Поступками в данной алгебре называются, по определению, все те и только те действия, которые объективно являются либо хорошими, либо плохими. Союз «либо-либо» обозначает строгую дизъюнкцию: либо то, либо другое обязательно имеет место, третьего не дано. Одним из логических следствий данного определения оказывается утверждение о том, что общественно нейтральных поступков нет. Приведенная выше дефиниция и вытекающие из нее следствия не означают, однако, отрицание наличия в действительности морально безразличных (ни плохих, ни хороших) действий. Очевидно, что существуют действия, о которых невозможно достаточно аргументированно утверждать ни то, что они плохи, ни то, что они хороши. Например, действие субъекта, заключающееся в том, что он сегодня купил хлеб не в магазине № 2 около своего дома, а в магазине № 27 около места своей работы, вполне может быть общественно нейтральным. В этой связи утверждение о том, что всякий поступок является либо плохим, либо хорошим, а общественно нейтральных (ни плохих, ни хороших) поступков нет, может показаться противоречащим содержательной этике. Однако противоречие возникает лишь в том случае, когда определенное выше понятие «поступок»

отождествляется с понятием «действие». В рамках же развиваемой концепции между поступками и действиями проводится существенное различие. **Всякий поступок есть действие, но не всякое действие есть поступок.** Поэтому утверждение о том, что ни один поступок не является общественно нейтральным, и согласие с тем, что общественно безразличные действия все же существуют, логически не противоречат друг другу. В соответствии с принятым в двузначной Ф. э определением понятия «поступок», все те акции, которые по каким-либо причинам нельзя (бессмысленно) рассматривать как плохие или хорошие, просто не считаются поступками. Такими действиями являясь, например, все те операции, которые человек не мог или не может совершить из-за каких-то независящих от него обстоятельств, т. е. действия, совершаемые при отсутствии свободы выбора.

В рамках Ф. э., элементы множества {х (хорошо), п (плохо)} называются моральными значениями поступков. Поступки делятся на простые и сложные. Сложные представляют собой определенным образом связанную совокупность простых. Для оценки сложных поступков очень важно знать, как зависит их моральное значение от моральных значений входящих в них простых поступков, точно так же, как для логики высказываний очень важно знать, как зависит логическое значение сложного высказывания от логических значений входящих в него простых высказываний. На множестве поступков для произвольно взятых поступков **а** и **в** могут быть (а могут и не быть) определены бинарные морально-правовые операции **Кав** (объединение поступков **а** и **в** в поведение), **Аав** (неисключающий моральный выбор наиболее хорошего или наименее плохого поступка среди поступков **а** и **в**), **ответное действие Сав** (совершение **в** в ответ на совершение **а**), **Тав** (уравнение ценности поступков **а** и **в**), а также унарная морально-правовая операция **На** (**воздержание** от **а**, т. е. свободное несовершение поступка **а**), результаты которых также могут принадлежать (а могут и не при-

надлежать) множеству поступков. Ценностно-функциональный смысл морально-правовых операций **К**, **А**, **С**, **Т**, **Н** определяется следующей ниже таблицей, если и только если действия, имеющие форму **а**, **в**, **На**, **Кав**, **Аав**, **Сав**, **Тав** являются поступками. (В противном случае таблица неприменима. Так, например, если **а** и **в** — поступки, а **Кав** не есть поступок, то определять моральное значение **Кав** по этой таблице нельзя.)

а	в	На	Кав	Аав	Сав	Тав
х	х	п	х	х	х	х
х	п	п	п	х	п	п
п	х	х	п	х	х	п
п	п	х	п	п	х	х

Поступки называются **формально-этически равноценными**, если и только если их моральные формы принимают одинаковые нравственные значения при любой возможной комбинации моральных значений нравственных форм входящих в них простых поступков. Поступок называется **тождественно хорошим**, если и только если его моральная форма имеет нравственное значение **х** при любой возможной комбинации моральных значений нравственных форм входящих в него простых поступков. Поступок, имеющий форму **а**, называется **тождественно плохим**, если и только если поступок, имеющий форму **На** является тождественно хорошим. Поступок, имеющий форму **в** называется **формально-этическим следствием** множества поступков, имеющих соответственно формы **а1**, **а2**, ..., **аN**, если и только если поступок, имеющий моральную форму **СКа1Ка2 ... КаN-1aN**, является тождественно хорошим. В этом случае множество {**а1**, **а2**, ..., **аN**} называется поводом для **в**.

Если хотя бы один из людей совершит хотя бы один плохой поступок **а**, то, казалось бы, согласно приведенной выше таблице, произойдет катастрофа, ибо все смогут делать плохие поступки, ссы-

лаясь на то, что они делают их в ответ на а. Однако в действительности это парадоксальное событие не происходит постольку, поскольку для устранения такого рода парадоксов участниками человеческого взаимодействия, регулируемого алгеброй поступков, принимается идеализация ИД, представляющая собой, говоря языком юристов, «презумпцию» — ИД1. Любой субъект, совершающий плохой поступок, сразу же в момент его совершения в той или иной форме **мгновенно и абсолютно надежно изолируется** от общества, в той или иной степени лишается свободы действий, т. е. **исключается (исчезает)** из множества субъектов, совершающих поступки (например, он подвергается смертной казни или тюремному заключению, если речь идет о праве, или же бойкоту, игнорированию и т. п., если речь идет о морали); ИД2. Любой субъект, если он когда-нибудь выходит из изоляции (возвращается обратно в общество), а не казнен и не находится в местах заключения пожизненно, **всегда оказывается полностью исправившимся**, т. е. **абсолютно другим**, качественно новым субъектом (он как автор того плохого поступка, за который его подвергли изоляции, **абсолютно исчез** из общества **навсегда**). Человеческое взаимодействие в случае принятия идеализаций ИД1 и ИД2 оказывается при этом складывающимся **только** из хороших поступков. А из хороших поступков формально-этически следуют (вытекают) **только** хорошие поступки. Это не значит, что плохих поступков не бывает. Просто, согласно презумпциям ИД1 и ИД2, всякий, кто совершает зло, с момента его совершения (включительно) и до своего полного исправления исключается из человеческого взаимодействия, изолируется от общества. Даже деятельность якобы «преспокойно гуляющего на свободе» преступника, имеющая целью скрыться или скрыть свое преступление (или свою причастность к нему) от общества, есть специфическая форма (разновидность) деятельности, направленной на изоляцию (в данном случае на самоизоляцию) преступника от общества. В течение все-

го того времени, пока эта самоизоляция ему удастся, согласно презумпции невиновности, он не совершал ничего плохого. Но сразу же, как только его деятельность по самоизоляции потерпит неудачу (т. е. как только на суде будет доказана его виновность), общество надежно изолирует его, согласно существующим нормам морали и права. Изоляция преступника от общества оказывается **непрерывной**. Итак, даже в случае якобы «преспокойно гуляющего на свободе преступника», человеческое взаимодействие складывается **только** из хороших поступков, если участники этого взаимодействия принимают презумпцию ИД. Введение ИД делает невозможным построение в алгебре поступков парадокса, аналогичного наиболее серьезному парадоксу импликации в классической алгебре логики или «парадоксу производной обязанности» в логике деонтической (о парадоксе производной обязанности см., например, А. А. Ивин. Логика норм. М.: Изд-во МГУ, 1973.). Очевидно, что постольку ИД является идеализацией реального положения дел, постольку между ИД и объективной действительностью есть расхождение. Если расхождение существенно, то введение ИД, а значит, и использование классической алгебры поступков недопустимо. Сферой правомочности введения ИД, а следовательно, и областью применимости обсуждаемой алгебры поступков являются только те классы конкретных ситуаций, в которых расхождение между ИД и действительностью несущественно, т. е. введение ИД гносеологически оправдано. Существенно или нет обсуждаемое расхождение в данном конкретном случае, можно определить только в результате содержательного конкретно-исторического анализа той ситуации, в которой производится морально-правовая оценка. Сама по себе Ф. э. решать такого рода вопросы не может.

К числу основных законов Ф. э., имеющих исключительную теоретическую ценность и непреходящее практическое значение, относится «закон морального непротиворечия (моральной по-

следовательности», который выражается в алгебре поступков нравственно-правовой формой **НКаНа**. Поступок типа **НКаНа** представляет собой воздержание от поведения, заключающегося в совершении **а** и **На** в разное время, но в одних и тех же условиях. Поскольку действие **а** совершается субъектом в один момент времени, а несвершение **а** происходит в другой момент, постольку возможность практической реализации действия типа **КаНа** не исключается формально-логическим законом непротиворечия. Поступок, имеющий форму **КаНа**, представляет собой проявление неверности, моральной неустойчивости субъекта, нравственную непоследовательность его поведения. Действие, обладающее структурой **КаНа**, есть не что иное, как моральное противоречие (нравственный конфликт). Любое проявление моральной непоследовательности поведения, с т. зр. ригористического нравственного идеала, недопустимо. Любой моральный конфликт подлежит не консервации, а немедленному разрешению и устранению из жизни общества, группы, личности. Неудивительно, поэтому, что поступок, имеющий нравственно-правовую форму **КаНа**, тождественно плох, а поступок, обладающий структурой типа **НКаНа**, тождественно хорош, т.е. представляет собой **формально-этический закон** морали и права. (Имеется в виду не «позитивное право», а то, что юристы называют «естественным правом».)

Формально-этический закон **НКаНа** алгебры поступков не является абсолютно бессодержательным, ничему в действительной морали и праве не соответствующим и поэтому не имеющим никакого практического значения результатом абсолютно оторванного от жизни абстрактного теоретизирования. В реальной эмпирически фиксируемой нравственности частными случаями этого закона являются такие бесспорно практически значимые моральные требования, как «Никогда не лги», «Будь всегда честным», «Будь самим собой», «Будь верен сам себе», «Никогда никому не изменяй» и т. п. Закон **НКаНа** проявляется на

уровне эмпирического изучения морали в виде фактически имеющего место осуждения общественным мнением различных форм предательства, моральной неустойчивости, непостоянства, обмана, вероломства, нарушения договоров и прочих взятых на себя обязательств и т. п., а также в виде одобрения всевозможных проявлений преданности, постоянства и моральной устойчивости. Короче говоря, формально-этический закон морального непротиворечия требует от субъекта быть всегда честным и последовательным в своих поступках.

Другим формально-этическим законом алгебры поступков, имеющим большую теоретическую ценность и непреходящее практическое значение (в связи с этим его также можно отнести к «основным» законам ригористического фрагмента Ф. э.), является «**моральный закон исключенного третьего**», или «**закон моральной определенности**». Нетрудно заметить, что нравственно-правовая форма **АаНа** является тождественно хорошей. Она-то и представляет собой моральный (формально-этический) закон исключенного третьего (закон нравственной определенности). Моральный принцип исключенного третьего является следствием принятия абстракции от существования не плохих и не хороших, лежащих за пределами четкого различения и противопоставления добра и зла, т.е. нравственно безразличных для общества действий, моральное значение которых **неопределенно**. В пределах и только в пределах сферы содержательной правомерности указанной абстракции, формально-этический закон **АаНа** справедливо требует от субъекта быть всегда **принципиальным** в моральном выборе своего и нравственной оценке чужого поведения и поэтому будет называться также «**законом принципиальности**».

Нравственный (формально-этический) закон исключенного третьего не является абсолютно бессодержательным, ничему в действительной морали не соответствующим и поэтому не имеющим никакого практического значения результатом абсолютно оторванного от

жизни абстрактного теоретизирования. В реальной эмпирически фиксируемой нравственности частными случаями этого формально-этического закона являются бесспорно практически значимые требования непримиримости к врагам, бескомпромиссности в борьбе со злом, нетерпимости к нравственным недостаткам и правонарушениям, высокой моральной и правовой активности и ответственности каждого субъекта по отношению ко всем тем окружающим его явлениям, на которые он способен влиять. Формально-этический закон **АаНа** проявляется на уровне эмпирического изучения морали и права в виде фактически имеющего место осуждения общественным мнением различных форм соглашательства, конформизма, социальной пассивности, безразличия и равнодушия, моральной беспринципности и безответственности, спокойного, терпимого отношения к нарушениям нравственных и правовых норм, стремления к компромиссам, к примирению и мирному во всех отношениях сосуществованию добра и зла. Иначе говоря, моральный закон исключенного третьего (или среднего) отрицательно оценивает тождественно плохую деятельность, заключающуюся в приспособленчестве, в сознательном уклонении от принятия принципиальных решений, от взятия на себя ответственности, в стремлении занять удобную надпартийную и надклассовую политическую и морально **неопределенную, нейтральную** позицию невмешательства в борьбу добра и зла.

Именно в этом, а не в исторически преходящих внешних признаках и проявлениях заключается нравственная сущность мещанства (филистерства), когда оно выступает в качестве негативного, морально осуждаемого, с позиций **ригористической** этики, общественного явления. Формально-этический закон **АаНа** требует, чтобы любой субъект имел в любой предоставляющей ему свободу выбора ситуации достаточно **определенную, четкую** и по возможности активную жизненную позицию, по проявлениям которой можно было бы совершенно одно-

значно, с уверенностью судить о его принадлежности той или иной из **двух** диаметрально противоположных противоборствующих сторон. Если есть объективная возможность и необходимость активности субъекта, нейтралистское воздержание от выбора (его несовершенство) является аморальным. Более того, отказ от морального выбора (стремление «умыть руки») может стать преступлением норм права. Если нельзя отложить выбор на будущее, то уклонение от его совершения оказывается своеобразной формой выбора. Воздержание от активного противостояния злу объективно равноценно переходу на его сторону, укреплению его позиций, т. е. предательству идеалов добра. Та же самая ригористическая моральная идея выражается в знаменитых афоризмах: «Кто не с нами, тот против нас», «Друг моего врага — мой враг», «Враг моего врага — мой друг» и т. п.

Построив соответствующую ценностную таблицу, нетрудно заметить, что **АаНа** и **НКаНа** являются формально-этически равноценными в алгебре поступков. Нравственная равноценность действий типа **АаНа** и **НКаНа**, а также действий, обладающих структурой **НАаНа** и **КаНа**, в обсуждаемой алгебре поступков означает для ригористического фрагмента содержательной эмпирической этики, что осуществляемое (при наличии необходимой для этого свободы) несовершенство морального выбора (отказ от морального выбора) хорошего поступка из двух взаимоисключающих поступков, т. е. запрещаемые законом **АаНа** беспринципность, безответственность, неразборчивость, безразличие, приспособленчество (конформизм), соглашательство, надпартийный, надклассовый и вообще мещанский подход типа «моя хата с краю», нравственно равноценные запрещаемым законом **НКаНа** предательству, обману, вероломству и прочим проявлениям неустойчивости и непоследовательности. Элементарно доказуемое в алгебре поступков положение о том, что отсутствие моральной определенности (принципиальности) сознания и поведения субъекта формально-этиче-

ски равноценно нравственной неустойчивости и непоследовательности его поступков и психики, является для содержательной этики весьма важным. Оно означает, в частности, что мешанство (филистерство) с **ригористической** моральной т. зр. равноценно измене, и от филистера можно ожидать чего угодно в критической жизненной ситуации. Мысли, чувства и практические действия мешанина-конформиста эквивалентны в нравственном отношении мыслям, чувствам и практическим действиям предателя, а значит, относиться к этим социальным явлениям и людям необходимо с одинаковой нетерпимостью. Таково требование **ригористической («черно-белой»)** морали.

Явно огрубляющий, упрощающий, идеализирующий и в этом смысле наивный характер формально-этических законов **двузначной** алгебры поступков очевиден в свете диалектических принципов изменения, развития, «перехода количества в качество», принципиальной расплывчатости, неопределенности границ при переходных состояниях. **Ригористические** формально-этические законы, относящиеся к **абстрактно-гуманистической** морали, несостоятельны, ущербны, с т. зр. **реального** гуманизма, в тех конкретных сферах, отношениях и условиях, в которых их универсальный характер, а значит, и статус как законов оказывается эмпирически и теоретически необоснованным. Важный класс контрпримеров для ригористических формально-этических законов «непротиворечивости деятельности» и «исключенного среднего» представляют те конкретные ситуации и задачи, в которых существуют именно **процессы перехода, изменения и развития, возникновения и исчезновения** морально-правовых качеств и необходимо связанные с этими процессами **моменты объективной неопределенности, расплывчатости, нечеткости, неустойчивости** морально-правовых характеристик деятельности. В упомянутых выше ситуациях и задачах решающим фактором для адекватного определения морального значения формально-этически противо-

речивого (непоследовательного), с ригористической т. зр., поведения оказывается **направленность** процесса нравственного развития субъекта. Поэтому неклассическая (неригористическая) формально-этическая система, успешно справляющаяся с указанными диалектическими контрпримерами к ригористическим формально-этическим законам «непротиворечивости поведения» и «исключенного среднего» и специально предназначенная для практически адекватного определения общественной ценности поступков в случае существования переходных состояний, должна быть системой **формальной этики направленности** (изменения линии поведения). В связи с этим представляется плодотворной аналогия с неклассической формальной логикой, в рамках которой существует четырехзначная система **логики направленности** Л. С. Роговского, специально предназначенная для более тонкого и точного (по сравнению с классической двузначной логикой) описания объективно существующих в действительности переходных процессов изменения и развития, возникновения и исчезновения.

Для преодоления существенных недостатков **двузначной** алгебры поступков и значительного расширения сферы плодотворной применимости современной Ф. э., в ней сначала формулируется **обобщение** ригористических формально-этических законов (тождественно хорошим морально-правовым форм деятельности) **двузначной** алгебры поступков (хороших или плохих действий) до более фундаментальных **ригористических** формально-этических законов **трехзначной** алгебры любых действий, в т. ч. и **строго нейтральных**, а не только поступков. Затем полученные результаты генерализации подвергаются новой критике и дальнейшему обобщению в процессе перехода к рассмотрению **практических (приближенных)** оценочных модальностей (существенно хорошо, существенно плохо, приблизительно нейтрально). В рамках теории неригористических (округленных) морально-правовых оценок формально-этические законы «непротиворечивости

(последовательности) поведения» и «исключенного среднего» формулируются так, что формально-этическая противоречивость, непоследовательность, неустойчивость поведения, а также неопределенность, нейтральность жизненных позиций и безразличие, равнодушие вполне допустимы с практической морально-правовой т. зр. реализма и гуманизма, если и только если речь идет о мелочах, пустяках, т. е. о действиях практически («округленно») нейтральных, хотя, строго говоря, хороших или плохих, но в незначительной, практически неощутимой степени. Ригористические морально-правовые запреты формально-этической противоречивости, т. е. непоследовательности, неустойчивости, поведения и нейтральности жизненных позиций, безразличия и равнодушия оказываются действительно практически обоснованными в тех и только тех конкретных условиях, когда речь идет о практически **существенных** действиях (существенно хороших или существенно плохих). Для тех же действий, которые практически (приблизительно) аксиологически безразличны, т. е. представляют собой в оценочном отношении мелочь, пустяк, в ситуациях относительного благополучия реальный гуманизм заключается в терпимости к несущественным компромиссам, проявлениям неустойчивости, гибкости, лавирования, нейтралитета, безразличия и невмешательства в борьбу добра и зла по пустякам. Абсолютно строгая (ригористическая) принципиальность во всем, вплоть до пустяков, объективно ведет (в обстановке относительного благополучия) к обезчеловечиванию субъекта, к превращению его в мелочного аскета-зануду. Эффективная диалектика нравственной жизни такова, что абсолютная бескомпромиссность, непримиримость во всем, вплоть до мелочей, приводит к своей абсолютной противоположности («противоположности в крайностях сходятся»), т. к. в бесконечных конфликтах и спорах по пустякам нередко исчезает главное.

Правильно понятие принципы конкретности, историзма, культурного плюрализма, относительности и т. п. не ис-

ключают, а наоборот, предполагают существование в морали и праве аспектов *общечеловеческих*. К последним относятся, например, т. н. «простые нормы нравственности». В связи с этим уместно подчеркнуть, что непустое множество формально-этических законов морально-правовой деятельности есть подмножество непустого множества общечеловеческих законов морали и права. Следует подчеркнуть также, что постоянное связывание в данной статье понятий «мораль» и «право» не является случайным. В свете доктрины «естественного права» очевидно, что право и мораль суть компоненты *единой* системы оценок и норм человеческого поведения. Различие между этими компонентами с некоторой т. зр. *несущественно*, и, значит, от него можно отвлечься. Негативное отношение сторонников доктрины «позитивного права» к доктрине «права естественного» не является *абсолютно* обоснованным. Негативизм этот представляется обоснованным лишь в некоторых (а отнюдь не во всех) отношениях. В Ф. э. анализ преднамеренно сосредоточен на таких отношениях, в которых упомянутый негативизм не является обоснованным. Это позволяет считать Ф. э. теоретически и практически значимой не только для морали, но и для права.

В. О. Лобовиков

ФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВЕННЫЕ

(лат. формация — образование, вид) — формы связи людей, выработанные в процессе социальной эволюции. Не существует логических препятствий для того, чтобы называть общественными формациями любые социальные образования от воспроизводящейся социальной системы и до саморазвивающейся человеческой личности. Однако в философском обиходе и в обыденном сознании понятие формаций связано с выделением основных ступеней общественного развития. Например, догматический марксизм «ограничил» социальную эволюцию пятью — первобытная, рабовладельческая, феодальная, капиталистическая, коммунистическая — формациями, стремясь